

Тихомиров П. В. Иудейство в 5 веке до Р. Хр.: Речь пред защитой [магистерской] диссертации «Пророк Малахія» (1903 г., С. XIX, 596): Произнесена на диспуте 2 июня с. г. в актовом зале Московской Духовной Академии // Богословский вестник 1903. Т. 2. № 9. С. 63–76 (2-я пагин.).

Иудейство въ 5 вѣкѣ до Р. Хр.

Рѣчь предъ защитой диссертациі: „Пророкъ Малахія“ (1903 г., стр. XIX +596). Прізнесена на диспутѣ 2 іюня с. г. въ актовомъ залѣ Московской Духовной Академіи.

Ваше Преосвященство,
Досточтимые Отцы и
Милостивые Государи!

Выступая въ настоящемъ собраніи съ защитой диссертациі о пророкѣ Малахіи, я пользуюсь предоставленнымъ мнѣ предъ преніями словомъ, чтобы кратко указать на то состояніе іудейскаго народа, при которомъ жилъ и дѣйствовалъ Малахія. Я не считаю нужнымъ знакомить Васъ съ книгой пророка *Малахія*, которая большинству изъ Васъ, какъ людямъ богословски образованнымъ, конечно, извѣстна; но я хотѣлъ-бы нѣсколько познакомить Васъ съ подлежащей защитѣ *моей* книгой о Малахіи, которую доселѣ прочитали лишь очень немногіе, да не смѣю надѣяться, чтобы и въ будущемъ ее охотно стали читать люди, не интересующіеся спеціально послѣднимъ іудействомъ. Для этого мнѣ кажется достаточнымъ изобразить ту историческую перспективу, въ которую, *по моимъ изысканіямъ*, мы должны помѣщать дѣятельность послѣдняго ветхозавѣтнаго пророка, и ту основную точку зрѣнія, съ которой онъ смотрѣлъ на явленія современной ему дѣйствительности.

Перенеситесь мысленно въ прошлое почти за 24 столѣтія (немного менѣе 2400 лѣтъ) назадъ, ко временамъ знаменитыхъ греко-персидскихъ войнъ; возьмите дату извѣстной Саламинской битвы (480 г. до Р. Х.),—и Вы получите какъ

разъ то время, когда въ Палестинѣ,—точнѣе, въ Иерусалимѣ,—жилъ и дѣйствовалъ пророкъ Малахія ¹⁾. Я дѣлаю

¹⁾ Въ общемъ время дѣятельности пророка Малахія опредѣляется довольно легко и безспорно—въ рамкахъ отъ 516 до 332 г. до Р. Хр., т. е. отъ года окончанія постройки послѣднѣшняго храма до года паденія персидской монархіи. Что дѣятельность Малахія принадлежитъ къ послѣднѣйшему времени или, точнѣе, ко времени персидскаго владычества, это доказывается упоминаемымъ въ 8 ст. 1 гл. названіемъ областеначальника מלכא (=перс. *satrapa*) (Пророкъ Малахія, стр. 37—38 и прим. 2 на стр. 38—39). А что храмъ при Малахія былъ уже сравнительно долгое время выстроенъ, и богослуженіе при немъ было въ полномъ ходу, это видно изъ упоминаній Малахіей о храмѣ и разныхъ подробностяхъ богослужебнаго ритуала (Мал. 1, 7. 8. 10. 12 — 14; 2, 3; особ. 3, 1 — אֵלֶיךָ יָבִיאוּ אֲלֹהֵיךָ; 3, 10) (стр. 39). Но указаніе на протяженіи этого почти 200-лѣтняго промежутка болѣе точнаго времени вызываетъ между учеными разногласія. Историческими источниками для знакомства съ этимъ періодомъ являются — вторая половина книги Ездры (гл. 7 — 10) и книга Нееміи. Описанное въ 7—10 гл. Ездры произошло въ 458—457 г. (Ездр. 7, 7; 10, 16—17). Значить, о времени съ 516 по 458 г., т. е. о періодѣ въ цѣлыхъ 58 лѣтъ мы не имѣемъ никакихъ историческихъ извѣстій. Рассказъ книги Нееміи, служащей продолженіемъ повѣствованій книги Ездры, начинается съ 445 г. (Неем. 1, 1). Получается опять промежутокъ въ 12—13 лѣтъ, о событіяхъ которыхъ мы ровно ничего не знаемъ. Повѣствованія Нееміи обнимаютъ 12 лѣтъ (445—433 г.г.) и затѣмъ снова прерываются на неопредѣленное время — לְקֵץ יָמָיו (Неем. 13, 6), послѣ чего продолжаютъ бѣглымъ обзоромъ той борьбы съ нестроеніями въ религиозно-нравственной жизни Израиля, какую Нееміи пришлось вести по возвращеніи въ Иерусалимъ (Н. 13, 7—31). Отсюда ясно, что дѣятельность пророка Малахія, выраженіемъ которой служить его книга, надо разсматривать *въ ея отношеніи къ дѣятельности Ездры и Нееміи*, описанной въ источникахъ для исторіи этого періода, и уже на основаніи этого можно рѣшать, когда скорѣе всего могъ появиться такой литературный памятникъ. Отношеніе это можетъ быть троякаго рода: или состояніе общества, изображаемое въ книгѣ пророка Малахія и предполагаемое ею, окажется *тождественнымъ* и, слѣдовательно, *одновременнымъ* съ тѣмъ состояніемъ, какое изображается въ одномъ изъ трехъ отрывковъ, описывающихъ событія — за 458 г., 445—433 г.г. и за время отъ אֵלֶיךָ יָבִיאוּ אֲלֹהֵיךָ;—или оно будетъ предполагаться каждымъ изъ названныхъ отрывковъ, какъ свое естественное *историческое prius*; — или-же оно, наоборотъ, будетъ рисоваться намъ, какъ *послѣдствіе* дѣятельности Ездры или перваго штатгальтерства Нееміи или, наконецъ, его втораго штатгальтерства. Отсюда возникаетъ возможность приурочивать дѣятельность Малахія и происхождение его книги къ *семи* различнымъ временамъ: 1) ко времени до 458 г., 2) къ 458 году, 3) ко времени отъ 458 до 445 г., 4) къ 445—433 годамъ, 5) ко времени отъ 433 г. до втораго штатгальтерства Нееміи, 6) къ періоду его втораго штатгальтерства и 7) ко времени послѣ

это сопоставленіе не потому только, что считаю хронологію древней гражданской исторіи большинству болѣе знакомой,

Нееміи. Каждая изъ этихъ семи возможностей и находятъ своихъ защитниковъ среди ученыхъ изслѣдователей книги пророка Малахіи (стр. 40 — 43). Я, анализируя мѣсто Неем. 5, 14 — 19 и сопоставляя его съ Мал. 1, 8, прихожу къ выводу (принимаемому и большинствомъ изслѣдователей), что современнымъ Малахіи областеначальникомъ не могъ быть Неемія (стр. 43—44). Такимъ образомъ, датированія №№ 4 и 6 исключаются. Изъ остальныхъ пяти въ пользу 1-го главнымъ основаніемъ является характеръ протеста Малахіи противъ браковъ евреевъ съ иноплеменниками (2, 10—16). Этотъ протестъ могъ имѣть мѣсто только до реформы Ездры. Такъ, книга Малахіи совершенно незнакома съ мѣропріятіями Ездры противъ такихъ браковъ (Ездр. гл. 9 — 10). А ничѣмъ не отмѣнить тѣхъ торжественныхъ рѣшеній, какія принялъ народъ подъ влияніемъ увѣщаній Ездры, и не упрекнуть его въ такомъ явномъ непостоянствѣ (ср. Ездр. 10, 3. 11. 12. 19) Малахія едва-ли могъ-бы, если-бы писалъ послѣ 457 года. Между тѣмъ, въ его книгѣ ничто не указываетъ на то, что народъ незадолго передъ тѣмъ обязался не вступать въ эти незаконные браки. Затѣмъ, по собственнымъ словамъ Ездры, его мѣропріятія противъ смѣшанныхъ браковъ имѣли внѣшнимъ поводомъ заявленіе „начальствующихъ (צ׳ר׳וּת)“, — что „не отдѣлились народъ Израилевъ и священники и левиты отъ народовъ иныхъ земель по мерзостямъ ихъ“. Отсюда можно заключать, что Ездра лишь поддержалъ начавшееся раньше него движеніе, встрѣтилъ въ Иерусалимѣ людей проникнутыхъ одинаковыми съ нимъ идеями. Инициаторомъ этого движенія естественно предположить пророка Малахію, проповѣдь котораго и подготовила эту упоминаемую Ездрой депутацію צ׳ר׳וּת. Самое молчаніе Ездры о дѣятельности Малахіи можно объяснить тѣмъ, что ко времени прибытія въ Иерусалимъ Ездры проповѣдь Малахіи уже успѣла оказать свое дѣйствіе, и его идеи стали достояніемъ кружка ревнителей національной чистоты, къ числу коихъ принадлежали и צ׳ר׳וּת, упоминаемые Ездрой въ 9, 1. Наконецъ, и самое свойство обличаемыхъ Малахіей противозаконностей,—сравнительно съ тѣми, противъ которыхъ боролся Ездра, — равно какъ и отношеніе народа къ этимъ обличеніямъ заставляють считать Малахію предшественникомъ Ездры. Не женитьба только на иноземкахъ была предметамъ его (Малахіи) пророческаго негодованія, а сопровождавшее эту женитьбу „вѣроломство“ въ отношеніи къ законной женѣ, выражавшееся въ томъ, что іудеи прогоняли своихъ единоплеменныхъ женъ и женились на иноплеменницахъ (2, 14). Это и дало поводъ пророку сказать отъ имени Божія: „Я ненавижу разводъ“ (2, 16). Для своихъ обличеній Малахія не только не имѣлъ удобной психологической почвы въ настроеніи слушателей, которые отнюдь даже внутренне не сознавали незаконности своего поведенія, а напротивъ, долженъ былъ еще бороться съ ихъ софизмами, пытавшимися представить это поведеніе совершенно безупречнымъ. И въ своемъ распоряженіи для воздѣйствія на слушателей Малахія ничего, кромѣ рели-

нежели хронологія библейская. Состояніе іудейства въ началѣ и срединѣ 5-го вѣка до Р. Х. въ весьма значительной мѣрѣ находилось въ зависимости отъ предпріятій, связанныхъ съ этой героической борьбой между европейской культурой и азиатскимъ варварствомъ. То же чудовище,—монархія Ксеркса съ ея неисчислимыми полчищами и непрестанными завоевательными замыслами,—которое стремилось, хотя и безуспѣшно, поглотить маленькую Грецію, давно уже и безпрепятственно держало подъ пятою своей совершенно крохотную іудейскую общину, населявшую Іерусалимъ и его окрестности. Воспользовавшись благосклонностью знаменитаго основателя персидской монархіи Кира (560—529), нѣсколько десятковъ тысячъ іудеевъ (изъ колѣнъ іудина, ве-

гизно-правственныхъ доводовъ, не имѣлъ. Совсѣмъ иной видъ имѣетъ борьба съ смѣшанными браками у Ездры. Прежде всего, предметомъ борьбы для Ездры являются уже не столь грубыя и вѣроломныя проявленія привязанности къ чужеземному: мы не видимъ, чтобы Ездра обличалъ въ своихъ современникахъ разводъ съ іудейскими женами ради женитьбы на иноплеменницахъ. Мало того, для Ездры явилась даже возможность требовать противоположнаго — „отпустить всѣхъ женъ (иноплеменницъ) и дѣтей, рожденныхъ ими“ (Ездр. 10, 3 ср. 19). Малахию „Я ненавижу разводъ“ теперь уже оставлено, теперь требуется разводъ, но цѣль его остается одна и та-же — сохраненіе національной чистоты; только очевидно, что ревнители этой чистоты теперь усилили свои требованія,—несомнѣнно, подъ вліяніемъ нѣкотораго успѣха. Что касается настроенія общества, то Ездрѣ уже не приходилось встрѣчаться съ софистическими попытками оправдать свое беззаконіе, а напротивъ, онъ уже въ средѣ самой общины іудейской засталъ реакцію противъ смѣшанныхъ браковъ, которой онъ, съ своей стороны, и оказалъ энергичную поддержку. Наконецъ, и подкрѣплялъ свои требованія Ездра болѣе энергичнымъ способомъ, такъ какъ надвѣненъ былъ большими полномочіями отъ царя—надъ всякимъ, „кто не будетъ исполнять закона Божія... немедленно производить судъ надъ нимъ, на смерть-ли, или на изгнаніе, или на пеню имущественную и на заключеніе въ темницу“ (Ездр. 7, 26). И онъ на самомъ дѣлѣ распоряжался весьма рѣшительно (ср. Ездр. 10, 8), а народъ былъ ему покоренъ (ср. 9, 4 сл. 10, 12) (стр. 68—71). Повсѣмъ изложеннымъ основаніямъ я и являюсь сторонникомъ мнѣнія о принадлежности книги Малахи ко времени до 458 г. Подробно разбирая аргументацію прочихъ мнѣній (стр. 71—86), я раскрываю невозможность согласиться съ ними. Что-же касается болѣе точнаго опредѣленія времени Малахи, то, имѣя въ виду упоминаемый имъ разгромъ Идумеи (Мал. 1, 3), я полагаю, что *Малахія проповѣдывалъ въскорѣ послѣ 484 года*, когда Ксерксъ окончилъ свою войну съ Египтомъ (стр. 86, ср. 49 и въ коммент. § 16, стр. 184).

ніаминова и левіина) возвратились изъ Вавилона въ Іерусалимъ и здѣсь попытались основаться на старыхъ пепелищахъ, вернувшись, по возможности, къ своимъ старымъ земледѣльческимъ занятіямъ и возстановивъ культъ своихъ отцовъ—служеніе Іеговъ въ Іерусалимскомъ храмѣ. Обѣ попытки въ извѣстномъ смыслѣ увѣнчались успѣхомъ, хотя и настолько скромнымъ и колеблющимся, что въ иные моменты его почти было можно приравнять къ неудачѣ. Противодѣйствіе и вражда Палестинскихъ народовъ, успѣвшихъ завладѣть достояніемъ отведенныхъ въ плѣнъ іудеевъ, а теперь вынужденныхъ уступить имъ сравнительно уже насиженные мѣста, на первыхъ порахъ должны были смолкнуть предъ авторитетомъ персидской власти; но, разумѣется, искренно примириться съ пришельцами эти народы не могли,—тѣмъ болѣе, что и сами іудеи оказались во многихъ отношеніяхъ сосѣдями довольно неприятными и неуживчивыми. При первой же возможности, эти народы, по выраженію историка того времени (Ездр. 4, 4), начинали „ослаблять руки народа іудейскаго“, писали на него доносы высшимъ персидскимъ чиновникамъ и даже самому царю, результатомъ чего являлись стѣснительныя для іудеевъ предписанія правительства, развязывавшія руки ихъ врагамъ (4, 5 и сл.)¹⁾. Когда настроеніе въ высшихъ сферахъ нѣ-

¹⁾ Въ 4-ой гл. Ездры послѣ замѣчанія, что сосѣди іудеевъ, обиженные откаомъ отъ ихъ участія въ храмостроеніи, стали „ослаблять руки народа іудейскаго и препятствовать ему въ строеніи“ (ст. 4), содержится сообщеніе: „и подкупали противъ нихъ совѣтниковъ, чтобы разрушить предпріятіе ихъ, во всѣ дни Кира царя Персидскаго и до царствованія Дарія царя Персидскаго“ (ст. 5). Это все относится къ исторіи храмостроенія. Но 6-й ст. и слѣдующіе, въ теперешнемъ текстѣ должествующіе относиться къ той-же исторіи, на самомъ дѣлѣ переносятъ насъ къ событіямъ позднѣйшимъ и именно—наполовину ко времени Малахійной дѣятельности. „А во царствованіе Ахашвероша, читаемъ мы здѣсь, въ началѣ его царствованія, написали обвиненіе на жителей Іудеи и Іерусалима. А во дни Артахшашты писалъ Вишламъ, Миередатъ, Табеель и прочіе товарищи ихъ къ Артахшаштѣ, царю Персидскому“ (ст. 6—7). Подъ Ахашверошемъ и Артахшаштой, какъ теперь признано въ библейской наукѣ, слѣдуетъ разумѣть Ксеркса (485—465 г.) и Артаксеркса I (465—424),—вопреки раздѣлявшемуся долгое время библіологами мнѣнію, что Ахашверошъ и Артахшашта царствовали въ промежутокъ времени между Киromъ и Даріемъ I, т. е. отъ 529 до 521 года (это были Камбизъ и Смердизъ). Что писано было Ксерксу, мы изъ даннаго отрывка не ви-

сколько измѣнялось опять въ ихъ пользу, они снова ожидали и съ удвоенной энергіей принимались устраиваться, пока новый поворотъ фортуны не влекъ за собою новыхъ разочарованій и потерь... Въ этой борьбѣ то съ интригами, то съ открытымъ насиліемъ молодая община постоянно и иногда очень больно чувствовала зависимость своихъ самыхъ насущныхъ гражданскихъ и религіозныхъ интересовъ отъ капризнаго и измѣнчиваго настроенія персидскихъ властей. Недаромъ Ездра въ 458 г., вспоминая объ этихъ „милостяхъ“ царей персидскихъ (Ездр. 9, 8—9), беретъ тонъ очень минорный: „просвѣтилъ глаза наши Богъ и далъ намъ ожить немного... въ рабствѣ нашемъ“; и тутъ же прибавляетъ съ горечью: „вѣдь мы—рабы“!... Тяжесть этого рабства усугублялась тѣмъ, что само персидское правительство въ началѣ

димъ, но надо думать,—что нѣчто подобное писанному Артаксерксу и, вѣроятно, результатъ письмо это имѣло подобный-же, т. е. запрещеніе отстраивать городъ Іерусалимъ и стѣны его (ср. ст. 12. 21). А къ Артаксерксу враги іудеевъ писали слѣдующее: „Да будетъ извѣстно царю, что іудеи, которые нышли отъ тебя, пришли къ намъ въ Іерусалимъ, строятъ этотъ мятежный и негодный городъ и стѣны дѣлаютъ и основанія ихъ уже исправили. Да будетъ-же извѣстно царю, что если этотъ городъ будетъ построенъ, и стѣны восстановлены, то ни подати, ни налога, ни пошлины не будутъ давать, и казнь царской сдѣлать будетъ ущербъ. Такъ какъ мы ѣдимъ соль отъ двора царскаго и ущербъ для царя не можемъ видѣть, то поэтому мы посылаемъ донесеніе къ царю: пусть пошлутъ въ памятописной книгѣ отцовъ твоихъ,—и найдешь въ книгѣ памятописной и узнаешь, что этотъ городъ мятежный и вредный для царей и областей, и что отпаденія бывали въ немъ издавна, за что городъ сей и опустошенъ. Песему мы увѣдомляемъ царя, что если городъ сей будетъ достроенъ, и стѣны его додѣланы, то послѣ этого не будетъ у тебя владѣнія за рѣкою“ (ст. 12—16). Письмо это, видимо, возбуждало подозрительность персидскаго царя, и онъ распорядился—впредь до новаго нарочитаго царскаго повелѣнія прекратить начатыя работы, что и было исполнено. „Итакъ, дайте приказаніе,—писалъ между прочимъ Артаксерксъ Рехуму и Шишмаю,—чтобы перестали работать эти люди, и чтобы этотъ городъ не строился, пока отъ меня не будетъ дано повелѣнія. И будьте осторожны, чтобы не сдѣлать въ этомъ недосмотра. Къ чему допускать размноженіе вреднаго въ ущербъ царямъ“ (ст. 21—22)? Исполненіе этого царскаго приказанія, повидимому, сопровождалось военнымъ набѣгомъ на Іерусалимъ и разрушеніемъ его построекъ: „какъ скоро это письмо Артаксеркса царя было прочитано предъ Рехумомъ и Шишмаемъ писцомъ и товарищами ихъ, они немедленно пошли въ Іерусалимъ къ іудеямъ и сильною вооруженною рукою оставили ихъ работу“ (ст. 23) (стр. 50—51).

и срединѣ 5-го вѣка занято было грандіозными завоевательными планами въ Европѣ и Африкѣ: въ своихъ неповоротливыхъ и тяжеловѣсныхъ движеніяхъ, направленныхъ къ осуществленію намѣченныхъ цѣлей, этотъ политическій колоссъ тогдашняго міра не церемонился съ интересами подчиненныхъ ему мелкихъ народностей; а какъ нарочно, его трактъ въ Африку и Европу шелъ черезъ Палестину и Сирію;—понятно, что этотъ проходъ по странѣ правительственныхъ войскъ очень немногимъ разнился отъ непріятельскаго нашествія. Прибавьте къ этому рекрутскіе наборы, сборы деньгами и натурой и обязанность продовольствовать часть персидскихъ войскъ въ мирныя промежутки времени и флотъ у финикійскихъ береговъ—всегда: и Вы получите полную картину состоянія, при которомъ горькое восклицаніе Ездры: „вѣдь мы рабы!“—можетъ показаться еще недостаточно сильнымъ ¹⁾. То, чѣмъ персидское нашествіе грекамъ

¹⁾ Со второй половины царствованія Дарія Гистаспа (521 — 485 г. до Р. Х.) для подданныхъ его монархіи настаетъ тяжкія времена. Непрерывныя войны съ Вавилонянами, Скивами, Индійцами, Египтянами и Греками стоили много денегъ и крови. Не прошли эти войны безслѣдно и для Палестины. По своему географическому положенію, она лежала на пути или при пути персидскихъ походовъ. Персидскія войска нерѣдко проходили черезъ Палестину или собирались близъ нея. Когда Дарій, послѣ несчастной битвы при Марафонѣ въ 490 г. до Р. Х., въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ занятъ былъ громадными приготовленіями къ новому походу противъ европейскихъ грековъ, возстали покоренные еще Камбизомъ египтяне. Дарій поэтому раздѣлилъ свои войска на двѣ части и направилъ одну часть ихъ противъ Египта, а другую противъ грековъ. Трудно предположить, чтобы этотъ походъ не коснулся тажъ или иначе евреевъ,—особенно походъ противъ Египта. Походъ противъ Египта пришлось продолжать и оканчивать уже преемнику Дарія Ксерксу (485 — 465 г.). Въ 484 г. египтяне снова приведены были къ покорности. Послѣ этого Ксерксъ двинулся противъ грековъ и въ 480 г. перешелъ Геллеспонтъ. Представляется весьма вѣроятнымъ, что Ксерксъ, набравшій для своихъ походовъ въ войска свои люди изъ всѣхъ подвластныхъ ему народовъ, не дѣлалъ въ этомъ отношеніи исключенія и для іудеевъ. Во время приготовленій къ войнамъ и самыхъ войнъ еврейямъ, безъ сомнѣнія, приходилось не мало терпѣть въ экономическомъ отношеніи отъ близкаго сосѣдства съ этими крупными мировыми затѣями. По всей вѣроятности, они должны были принимать участіе въ продовольствованіи персидскихъ войскъ и особенно флота у финикійскихъ береговъ. Это тѣмъ понятнѣе, если принять во вниманіе, что земледѣліе и скотоводство составляли главное занятіе іудеевъ. Эти войны

только угрожало, надъ Палестинскими іудеями осуществилось во всей полнотѣ.

Понятно, что однихъ этихъ политическихъ условій существованія было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы въ конецъ подорвать экономическое благосостояніе общины. А если прибавить сюда неизбѣжныя для всякаго колониста трудности въ устройствѣ новаго хозяйства и еще то обстоятельство, что переселились-то изъ Вавилона въ Палестину, повидимому, все бѣдные евреи, то нужно будетъ удивляться, какъ еще они могли существовать: по исчисленію Ездры, у нихъ при возвращеніи изъ Вавилона на 50 тыс. переселенцевъ было только 736 лошадей, 245 лошаковъ, 435 верблюдовъ и 6720 ословъ (рогатый и мелкій скотъ, повидимому, въ этотъ счетъ не вошелъ) (Ездр. 2, 66—67). Въ довершеніе несчастій, страна около 480 года (время дѣятельности Малахи) страдала отъ засухи и неурожаевъ вслѣдствіе бездождія и подверглась нападенію саранчи. Народъ характеризовалъ свое тогдашнее экономическое состояніе однимъ весьма выразительнымъ словомъ— גַּחַלְלִים (букв. „тяжкія обстоятельства“),—тѣмъ самымъ словомъ, какимъ характеризовалось состояніе Израиля въ пустынѣ по освобожденіи отъ рабства Египетскаго ¹⁾.

Мы все твердимъ, что бѣдность не порокъ; но гораздо рѣже мы вспоминаемъ ту непререкаемую, эмпирически доказанную истину, что она, во всякомъ случаѣ, и не добродѣтель; и даже болѣе того,—для развитія добродѣтели и

продолжались и при Артаксерксѣ I Лонгиманѣ (465 — 424), хотя и съ меньшей энергіей. Артаксерксу вскорѣ по вступленіи на престолъ пришлось усмирять продолжительное египетское возстаніе подъ начальствомъ Инара. Противъ Инара въ 458 г. двинуто было огромное войско въ 300000 чел. Что при этомъ походѣ опять не обошлось безъ контрибуцій съ Палестины, повѣтъ очень легко при одномъ взглядѣ на карту. Этотъ первый походъ, предпринятый на сушъ и на морь, окончился неудачей. Тогда начались приготовленія къ новому походу. Въ Сириі и Финикиі было собрано громадное войско, которое въ теченіе цѣлаго года обучалось здѣсь военному искусству, а затѣмъ двинулось на Египеть. Для сосѣдней съ этими военными приготовленіями Палестины это, конечно, опять имѣло свои экономическія послѣдствія. Затѣмъ въ 448 — 445 г. Артаксерксу пришлось бороться съ возставіемъ Мегабиза въ Сириі,—опять въ сосѣдствѣ съ Палестиной (стр. 48—49).

¹⁾ Стр. 249.

вообще идеальныхъ душевныхъ свойствъ она есть условіе весьма неблагоприятное (мы имѣемъ въ виду бѣдность не добровольную, а вынужденную). Замѣчено, что бѣдность изв. народа (въ общемъ) прежде всего сопровождается обостреніемъ эгоизма индивидуальнаго и классоваго, ослабленіемъ общественныхъ чувствъ и всякаго рода солидарности: когда средствъ для приличнаго существованія явнымъ образомъ на всѣхъ не хватаетъ, тогда естественно развиваются хищническіе инстинкты, стремленіе,—урвать себѣ кусокъ, съѣсть его одному или припрятать для себя, а къ нуждѣ ближнихъ образуется совершенно равнодушное отношеніе. Наряду съ этимъ развивается и вообще пренебреженіе всякаго рода нравственными нормами и обязательствами;—сверженіе нравственныхъ оковъ, хотя бы частичное, рѣдко останавливается на полдорогѣ, или (точнѣе говоря) всегда найдутся, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые люди, которые обнаружатъ въ этомъ отношеніи печальную послѣдовательность. Еще легче начинаютъ пренебрегаться обязанности религіозныя—у однихъ по бѣдности, у другихъ по распущенности, у третьихъ по разочарованію въ пользѣ ихъ исполненія; послѣдніе доходятъ даже до явной вражды къ религіи. Все это было и въ иудейскомъ обществѣ 80-хъ и 70-хъ годовъ 5-го в. до Р. Х.

Прежде всего, въ немъ явственно обозначаются три крупныхъ и въ разной мѣрѣ враждебныхъ другъ другу партій. Одна партія, состоявшая, повидимому, изъ сравнительно зажиточныхъ людей, стремилась сблизиться съ сосѣдними народностями, даже породниться съ ними посредствомъ браковъ; сохраненіемъ національныхъ связей и религіозныхъ предписаній она не дорожила, а къ народу относилась пренебрежительно, за что получила названіе партій „гордыхъ (גוראים)“; среди нихъ, повидимому, кромѣ женитьбы на язычникахъ были распространены и тѣ частые и легкіе случаи развода съ законными женами, которые обличаетъ пророкъ Малахія (2, 15—16). Они, открыто нарушая предписанія Моисеева закона, хвастались своимъ благополучіемъ и издѣвались надъ тѣми, которые еще не утратили вѣры въ возможность и обязательность религіозно-національной самобытности на почвѣ строгаго исполненія закона. Послѣдніе образовали другую партію, противоположную первой; они съ настойчивостью от-

чаянія держались закона и Моисея и упорно твердили себѣ, что придетъ „день Господень“, что Іегова вспомнитъ и наградитъ „боящихся имени Его“; и кажется, чѣмъ хуже имъ жилось, тѣмъ крѣпче становилась ихъ вѣра. Третью партію образовало, повидимому, большинство народа, которое было слишкомъ трусливо (или, можетъ быть, слишкомъ бѣдно), чтобы открыто присоединиться къ партіи „зедимъ (гордыхъ)“, и въ то же время слишкомъ эгоистично и матеріалистически настроено, чтобы терпѣливо ждать лучшаго будущаго въ надеждѣ на помощь Іеговы; имъ казалось, что Іегова не исполнилъ Своихъ обѣщаній и, освободивъ ихъ отъ плѣна Вавилонскаго, бросилъ на произволь ихъ собственной горькой судьбины, едва ли лучшей, нежели плѣнъ; гдѣ же обѣтованія прежнихъ пророковъ и даже позднѣйшихъ (Аггея и Захаріи),—что послѣ построенія новаго храма Іеговъ въ Іерусалимѣ Онъ благословитъ у нихъ „виноградную лозу, смоковницу, гранатовое дерево и масливу (Аг. 2, 19)“, „будетъ владѣть Іудеею, какъ Своимъ удѣломъ и снова благоволитъ къ Іерусалиму“, а они, наслаждаясь благополучіемъ, будутъ только ходить другъ къ другу въ гости, „звать другъ друга подъ виноградъ и подъ смоковницу“ (Зах. 2, 16; 3, 10)?—горькая дѣйствительность являлась какъ бы насмѣшкою надъ этими радужными мечтами; и Іегова совсѣмъ не живетъ среди своего народа,—святое святыхъ Его храма пусто (въ немъ уже не было ковчега завѣта), Онъ не судитъ грѣшникамъ и законопреступникамъ; напротивъ, презрительямъ Его имени („гордымъ“) живетъ несравненно лучше;—стоитъ ли, въ такомъ случаѣ, и служить то Богу (3, 13 сл.)? Послѣдній кощунственный вопросъ находилъ для себя еще и особенный поводъ въ поведеніи священниковъ и левитовъ—служителей алтаря. Къ какой партіи народной примыкали эти священники, сказать трудно, только во всякомъ случаѣ,—не къ партіи „боящихся имени Іеговы“: объ этомъ свидѣтельствовало ихъ крайне нерадивое отношеніе къ совершенію богослуженія и откровенное „презрѣніе“ къ трапезѣ Господней (1, 7 сл.); но они не примыкали и къ партіи „зедимъ“, потому что хотя и нерадиво, а всетаки совершали богослуженіе; и нельзя сказать, чтобы въ этомъ случаѣ ими руководилъ одинъ расчетъ, потому что, строго говоря, отъ служенія при тогдашнемъ Іерусалимскомъ храмѣ и выгоды то

никакой быть не могло: мы имѣемъ достовѣрное извѣстіе, что въ то время десятины, назначенныя на содержаніе храма, священниковъ и левитовъ, или совѣмъ не вносились, или вносились крайне неисправно и въ урѣзанномъ видѣ, а жертвенныя животныя, части которыхъ поступали въ пищу священникамъ, приводились въ храмъ самыя плохія — слѣпая, хромяя, больныя ¹⁾... И замѣчательное дѣло, — вопреки очевидному своему интересу, священники не только не боролись съ этимъ зломъ, а даже поощряли къ тому народъ увѣреніями, что въ этомъ ничего нѣтъ худого, ибо это дѣлается „отъ трудныхъ обстоятельствъ (לְכָבֵד)“ (Мал. 1, 13). Наконецъ, нельзя было бы ихъ настроеніе отождествить и съ настроеніемъ ропщущаго большинства, потому что послѣднее иногда съ укоризной указывало на нихъ и спрашивало: „гдѣ же Богъ правосудія, когда Онъ довольствуется такими негодными служителями“ (Мал. 2, 17)? По моему мнѣнію, они не были людьми не вѣрующими въ Бога, но вмѣстѣ съ тѣмъ они были весьма не увѣрены, что дѣлаютъ хорошее и нужное дѣло; они не хуже народа знали, что ихъ новый храмъ пустъ, что Іегова не пришелъ въ него и не живетъ среди своего народа, вопреки обѣщаніямъ пророковъ Аггея и Захаріи (а мысль о невидимомъ присутствіи Божіемъ хотя и не была имъ чужда, но какъ то невольно ступшеывалась предъ навыками наивно-эмпирическаго мышленія, требовавшаго наглядности). Кромѣ пороковъ тѣхъ или иныхъ общественныхъ группъ, на почвѣ почти поголовной распущенности возникло не мало и общихъ пороковъ: прелюбодѣяніе, клятвопреступленія, кривосудіе, волхвованіе и шарлатанство и т. п. (Мал. 3, 5).

Таково было состояніе народа, который всего за 50 лѣтъ тому назадъ открыто мечталъ, что „возьмутся десять чело-вѣкъ изъ всѣхъ разноязычныхъ народовъ, возьмутся за полу одного іудея и будутъ говорить: мы пойдемъ съ тобою, ибо мы слышали, что съвами Богъ“ (Зах. 8, 20—23)... Теперь этотъ народъ и самъ сомнѣвался, съ нимъ ли его Богъ... Состояніе, надо прямо сказать, — отчаянное въ смыслѣ субъективномъ (съ точки зрѣнія интересовъ самого народа),

1) Мал. 3, 8; 1, 8 сл. Ср. Неем. 13, 10—12 (стр. 64. 490—493).

жалкое въ смыслѣ объективномъ (съ точки зрѣнія историка, наблюдающаго это состояніе) и гнусное, или достойное полного отверженія въ смыслѣ абсолютномъ (т. е. въ глазахъ Бога, ввѣрившаго этому народу судьбы Своего слова). Последнее было особенно важно и крайне опасно, потому что простая гибель народа въ качествѣ политическаго или этнографическаго цѣлаго сама по себѣ еще не наноситъ большого ущерба человѣчеству, въ которомъ на мѣсто отпадшихъ сухихъ вѣтвей всегда и обыкновенно скоро успѣваютъ зазеленѣть новыя и свѣжіе побѣги; но когда вмѣстѣ съ народомъ угрожало погибнуть и то сѣмя истины, которое еврейство должно было внести въ духовную жизнь всего человѣчества, это становилось уже такимъ ущербомъ, какого Блуститель судебъ человѣческихъ допустить не могъ. Но не даромъ же Онъ и избралъ Себѣ этотъ народъ: въ чемъ всегда, даже въ моменты самаго крайняго духовнаго оскудѣнія, какимъ то чудомъ оставалась кучка праведниковъ, не преклоняющихъ колѣна предъ Вааломъ омірщенія и денационализаціи. Эта черта сохранилась въ еврействѣ и доселѣ; и теперешняя его живучесть среди всѣхъ невзгодъ объясняется, конечно, не его мнимо-хищническими талантами, которыми такъ любятъ упрекать евреевъ ихъ враги, а той искрой правды Божіей, которая никогда не угасала въ лучшихъ сердцахъ этого народа и за которую, по полученному Апостоломъ Павломъ откровенію, „Израиль весь спасется“ (Рим. 11, 26). Такъ было и въ описываемое мною тяжкое время іудейской исторіи: въ народѣ еще оставалась, — хотя, повидимому, и не многочисленная, — группа „боящихся имени Іеговы“ (Мал. 3, 16 и сл.). Но чтобы изъ загнанной и осмѣиваемой партіи имъ стать торжествующей частью народа (торжествующей — по крайней мѣрѣ, нравственно), имъ необходима была божественная поддержка; необходимо было, чтобы авторитетный голосъ подтвердилъ правоту ихъ упованій и обличилъ шаткость позиціи всѣхъ отпадшихъ отъ истины и колеблющихся элементовъ іудейскаго народа. Выполнить это и было миссіей пророка Малахія.

Кто онъ былъ, откуда происходилъ, какова вообще его личная исторія, — объ этомъ мы ровно ничего не знаемъ, а о сохранившихся на этотъ счетъ благочестивыхъ легендахъ надо сказать, что пожалуй лучше было бы, если бы ихъ не

было ¹⁾; но зато мы знаемъ его дѣло, знаемъ достигнутый имъ результатъ, короче говоря, знаемъ именно „пророка“ Малахію, т. е. то дѣло Божіе, которое, помимо выполнявшей его личности, составляетъ истинное звено дѣйствительной исторіи человѣчества. Мы имѣемъ книгу пророка Малахіи, гдѣ изложены его проповѣди, остающіяся вѣчнымъ памятникомъ его истинно боговдохновенной ревности о славіи имени Божія и торжествѣ нравственныхъ принциповъ надъ выводами этического материализма. Мы имѣемъ, затѣмъ, историческое свидѣтельство о результатѣ этой дѣятельности, данное лицомъ, ее продолжавшимъ.

Что же сдѣлалъ пророкъ Малахія?

Предстоявшая ему задача была сложна и, по человѣческому разсужденію, очень трудна; но онъ выполнилъ ее съ тою прямою и рѣшительностью, на какія способенъ только человѣкъ, чувствующій себя посланникомъ Божиимъ (מַלְאָכִי = „вѣстникъ Іеговы“). Съ сложностью онъ справился такъ, что раздѣлилъ общую сложную задачу на нѣсколько частныхъ простыхъ; отсюда его книга состоитъ изъ нѣсколькихъ рѣчей, разрѣшающихъ каждая свою задачу; а трудность вездѣ преодолевалъ однимъ и тѣмъ же приемомъ—перестановкой точки зрѣнія на предметъ. Мы видѣли, что главными источниками всѣхъ язвъ, разѣдавшихъ внутренній организмъ іудейской общины, были матеріальныя внѣшнія невзгоды и слишкомъ грубое, чувственное пониманіе теократическихъ обѣщаній пророковъ. Въ обоихъ случаяхъ условіемъ несчастья является неправильная постановка цѣнностей: кто счастье жизни полагаетъ въ матеріальномъ благополучіи, тотъ, конечно, въ изображенномъ мною раніе положеніи іудея Малахіина времени почувствуетъ себя самымъ несчастнымъ человѣкомъ въ мірѣ и легко дойдетъ до пренебреженія всякими нравственными требованіями; кто царство Божіе на землѣ понимаетъ, только какъ постоянную возможность ходить другъ къ другу въ гости подъ виноградникъ и подъ смоковницу, тотъ, разумѣется, начнетъ дерзко вопіять: „гдѣ же Богъ“?—разъ виноградникъ и смоковницу съѣстъ у него саранча. Но кто счастье полагаетъ въ спокойствіи совѣсти, тотъ и при самомъ трудномъ экономиче-

1) См. о нихъ въ моей книгѣ, стр. 30—34.

скомъ положеніи скажетъ: гдѣ же несчастье, разъ у меня совѣсть спокойна? Кто царство Божіе полагаетъ во всеобщей и согласной преданности волѣ Божіей, благой и совершенной, тотъ и о нападеніи саранчи не колеблясь разсудить, что его, вѣроятно, не было бы, если бы мы усерднѣе и единодушнѣе исполняли свои религіозныя обязанности. Такъ и во всемъ. Эта перестановка точки зрѣнія сразу открывала слушателямъ пророка совершенно новыя перспективы, однихъ утверждая въ надеждѣ, что Іегова слышитъ ихъ и внимаетъ имъ, и предъ Нимъ „пишется памятная книга о боящихся Его“ (Мал. 3, 16), другихъ заставляя прекратить свои „надожданія“ Іеговѣ „дерзкими словами“ (2, 17), третьихъ (зедимъ) вынуждая смутиться въ своемъ мнимомъ благополучіи угрозою страшной кары Божіей (Мал. 3, 18 сл.). Съ этой точки зрѣнія могутъ быть понятны и истолкованы всѣ его рѣчи. Всѣ онѣ приурочены къ тѣмъ или инымъ нуждамъ, запросамъ и недугамъ своего времени.

О томъ, какой успѣхъ имѣли эти рѣчи, мы можемъ судить по приводившемуся уже мною сообщенію Ездры, что къ его прибытію въ Палестину (458 г.) всего чрезъ 20 съ небольшимъ лѣтъ послѣ Малахіи среди самихъ видныхъ представителей іудейскаго общества (צ׳רשׁ=„начальствующие“) образовалось уже сильное движеніе въ пользу реформы общественнаго, семейнаго и религіознаго быта.

Съ указанной точки зрѣнія и въ указанной исторической перспективѣ толкуются рѣчи пророка Малахіи и въ моей книгѣ.

П. Тихомировъ.
